

Денис Соболев

Кордон
на Озере

ЛЮБЕСТЬ

Денис Соболев

Кордон на Озере. Повесть

«Издательские решения»

Соболев Д.

Кордон на Озере. Повесть / Д. Соболев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516266-3

Увлекательная история приключений обычного городского мальчишки, заброшенного на самый труднодоступный кордон Телецкого озера. Две недели в компании сурового егеря, встречи с таежными обитателями, дружба с коренными алтайцами, первый хариус, купание в водопаде, настоящий шторм... После этих каникул он всегда будет называть Телецкое озеро Озером.

ISBN 978-5-00-516266-3

© Соболев Д.
© Издательские решения

Кордон на Озере Повесть

Денис Соболев

Фотограф Сергей Усик

© Денис Соболев, 2020

© Сергей Усик, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-6266-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кордон на Озере

Раскаленный пыльный асфальт с тихим шуршанием исчезал под колесами братовского «Урала». «Урал» был большим, а я маленьким, и поэтому ездил на нем, скрючившись под рамкой. Пашка на своем «Салюте» давным-давно отстал, но я не останавливался и все продолжал раскручивать педали. Вот сейчас начнется длинный, километра два в длину спуск от центра города к Хлебокомбинату, и можно будет, наконец, перебраться на жесткое седло и сполна насладиться ощущением полной свободы. Мимо меня на бешеной скорости пронеслись фонарные столбы, дома и люди, редкие машины и автобусы. Пару раз за мной начинали погоню бешено лающие собаки, но быстро отставали. Какой-то дед угрожающе поднял трость и прокричал что-то грозное, но я-то видел улыбку под седыми усами. И вот он, долгожданный спуск. Велосипед помчался еще быстрее, я перебрался в жесткое седло и отдался ощущению полета. Рубаха неистово трепалась где-то за спиной, встречный поток воздуха воровал дыхание... Или это от счастья? Я был хозяином мира! Первый день летних каникул, впереди целых три месяца приключений!

Я опомнился, когда впереди замаячил поворот и переезд, через который медленно переползал пытящий синим ароматным дымком «ЛИАЗ». Пора тормозить! Перескочив под рамку, я принялся стопорить педали, но они вдруг провернулись, и я с замиранием сердца услышал знакомый лязг. Цепь слетела со звездочек. Беленая кирпичная будка обходчика приближалась неумолимо, слева от нее густые кусты, еще левее – уходящий в гору крутой поворот, справа – переезд с застрявшим автобусом. Куда? Что делать? Я решил уходить в этот поворот, который вел налево и наверх, но оттуда как назло появился огромный «УРАЛ» с будкой-вахтовкой. А-аааа! На полном ходу я впелся в невысокий бордюр и кубарем полетел в кусты, по пути пребольно ударившись обо что-то твердое. Когда небо и земля заняли положенные им места, я понял, что лежу на спине в какой-то вонючей жиже. Голова кружилась и болели спина и правый бок, но больше вроде бы никаких потерь. Я попытался сесть, руки оскользнулись в жиже, и я с громким плюхом завалился на спину. Посмотрел на свои руки и едва не взвыл от отчаяния. Отработка! Сюда кто-то бессовестный сливал отработанное машинное масло, в которое я и угодил. Мама меня убьет... Велосипед! Эта мысль обожгла меня крутым кипятком, и я буквально вылетел из ямы.

Велосипед лежал на боку, примяв высокую полынь. Переднее колесо заполучило шикарную «восьмерку», катафоты разлетелись в разные стороны.

– Эй, малец, ты живой?

Это обходчик шел ко мне от будки.

– Живой – буркнул я.

– Да, брат, это ты удачно влетел. Как отмываться-то будешь?

Я потерянно пожал плечами. И тогда обходчик подсказал спасительную мысль:

– Только в шахтовой мойке отмоешься. Оставляй велик свой у меня и шуруй на шахту. Попросишь вахтерш, застирают одежду твою, а ты в пока в мойке будешь отмываться. Сначала порошком стиральным, потом хозяйственным мылом, должно помочь.

Я кивнул и поковылял в сторону шахты, благо идти было недалеко...

Дома я получил заслуженный нагоняй, брат вообще перестал со мной разговаривать. Перед сном я горевал в обнимку с котом, когда в комнату зашел отец. Присев на край моей кровати, он спросил:

– Ну что, сын, как твой бок?

Бок, к слову, я ободрал до подмышки, и болел он нещадно. Мама щедро намазала его зеленкой, но меньше болеть он не стал.

– Нормально.

– Мы с ребятами на Алтай едем через три дня... Будем две недели идти вокруг Телецкого озера.

Ребятами батя называл своих школьных друзей. Они регулярно собирались вместе то на рыбалку, то на охоту, то просто попеть песни и пожарить мясо.

– Везет – вздохнул я.

– Я хотел взять тебе с собой, но с твоим боком и спиной... Мы будем идти по горам, с рюкзаками. В общем, в этот раз тебе с нами никак.

Я вздохнул еще раз, и отец продолжил:

– Но не все так плохо. По берегам Телецкого озера разбросаны кордоны, там живут егеря, они следят за порядком на территории Алтайского заповедника. Мы идем в горы как раз с одного из таких кордонов. Я договорился с егерем, он разрешил тебе у него пожить, пока мы будем в горах. Поедешь?

Мои глаза вспыхнули надеждой, я энергично закивал головой.

– Конечно! А что я там буду делать?

– Помогать егерю. Его, кстати, зовут Сергей Михайлович. Суровый дядька, но хороший, душевный.

– А что егерь делает?

– Следит за тем, чтобы нарушители и браконьеры не бедокурили, за жизнью зверей наблюдает, за погодой следит, зверей подкармливает зимой... Много дел у егеря.

– А я, получается, с ним буду в тайгу ходить?

– Наверняка.

– А как там?

– В тайге? Там очень красиво. Но нужно быть внимательным, смотреть под ноги и по сторонам.

– А почему?

– Потому что ты там ничего не знаешь, это дикая природа со своими законами. Главное не навредить себе и тайге. Спи, завтра поговорим.

– Пап, а что за законы такие? – я предпринял попытку услышать еще хоть что-нибудь интересное.

– Все завтра, сын. Спи.

Отец вышел, выключив свет и плотно прикрыв за собой дверь, а я мечтательно уставился в открытое окно. Цветущая рябина легонько скреблась о натянутую от комаров сетку, одуряющий запах сирени смешивался с легким рябиновым ароматом и наполнял спальню. В просветы между ветвями ко мне заглядывали крупные сочные звезды. Каким-то удивительным образом пробравшиеся в спальню комары звенели где-то под потолком, сбивая меня с мечтательного настроения. А помечтать мне было о чем! Я словно наяву представлял себе егеря Сергея Михайловича, могучего, седобородого и обязательно с трубкой в зубах. Перед моим мысленным взо-

ром рисовались картины встречи с медведем, где я бесстрашно выходил вперед и прогонял его. А как иначе? Ведь я человек, а человека все звери боятся. А еще...

Утро разбудило меня прохладой и громовыми раскатами. Налетела стремительная громкая июньская гроза, расцветила небо яркими вспышками, умыла город ливнем. Я поежился, не желая выбираться из-под одеяла, но вспомнил вчерашний разговор и пулей выскочил из постели. Наскоро умылся, морщась от боли при каждом неловком движении, и отправился на кухню. Отец наверняка курит перед печкой и параллельно что-нибудь мастерит. Он никогда не сидит без дела, все время чем-то занят.

– Привет, сын – как я и думал, отец вертел в руках обрезок черенка от тляпки.

– Привет. А что это ты делаешь?

– А вот гляди – отец взял в руки лежавшую на столе беличью шкурку и принялся натягивать ее на деревяшку. – Это будет мышь, на тайменя. Сейчас еще хвост ей приладим и пару тройников покрепче...

Говоря все это, отец ловко вкрутил в деревяшку три проволочки с петлями на концах. Затем протянул мышь мне:

– Зашей аккуратно. Так, чтобы шкурка в обтяг была.

Пока я с сопением зашивал шкурку, отец занялся завтраком, попутно рассказывая:

– Привязываешь такого мыша к леске покрепче и бросаешь в реку, а затем начинаешь выбирать леску. Мышь плавает поверху, а таймень из ямы на нее глядит и думает – съесть ее или не стоит? И вот на выходе из ямы он вдруг догоняет мыша, бьет хвостом, а потом быстро глотает. И тут уже не зевай, подсекай. Ну и готовься к серьезной драке, таймень – могучая рыба, не каждому дается.

Я, открыв рот, слушал отца. Вот это да!

– Пап, а таймени большие?

– Бывают очень большие, с меня ростом. Такой таймень взрослую утку запросто съедает, не то что мыша.

– А как же его такого здоровенного вытащить?

– Для этого надо быть сильным, иначе в воду сдернет.

– А в Телецком они водятся?

– Водятся, а как же. В Телецком озере много чего водится, есть даже сиг, которого больше нигде нет.

– Сиг? А кто это?

– Это такая рыбка навроде селетки, очень-очень вкусная. Но его еще ухитриться поймать нужно. Хариус есть, щука, налим, окунь... Да вся рыба там водится, умей только поймать.

– А ты умеешь?

– Умею.

– А меня научишь?

– Так ты ж тоже умеешь.

– Ну это я нашу рыбу ловить умею, а Телецкую не умею.

– Научу, раз такое дело – отец выставил на стол сковородку с аппетитно шкворчащей яичницей с колбасой. – Давай завтракать...

После завтрака, когда я мыл посуду, отец сказал:

– Давай домывай, и в магазин поедем, надо тебе одежки купить для кордона.

– А у меня вроде есть одежда.

– Во-первых, этого мало, во-вторых, не спорь.

Домой мы вернулись с двумя большими свертками разнообразной одежки и обуви. Теперь я чувствовал себя настоящим первооткрывателем. Одни штаны из брезента с накладными карманами чего стоили! И штормовка, и сапоги, и даже шляпа с полями! Вот бы пацанам показать. Но отец запретил.

– Нечего форсить.

Ну нечего так нечего. Во дворе я стал героем дня. Пацаны завистливо разглядывали мой ободранный бок и по пятому разу слушали, как я улетел в кусты и потом отмывался в шахтовой мойке. Но мой рассказ о далеком кордоне на неведомом никому Телецком озере потряс их до глубины души.

– Когда едешь-то? – это главный задира во дворе Костя Пуп. Кличку свою он получил за то, что всегда лез вперед других и яростно отстаивал свое мнение, даже если был не прав.

– Послезавтра – довольно ослабил я.

– На целых две недели? – недоверчиво спросил мой закадычный дружок Пашка.

– Может, и больше, если егеря не против будет.

При упоминании егеря все закивали со значительным видом. Слово-то какое – егеря. Так и веет от него чем-то загадочным.

– И чего ты там две недели будешь делать?

– Как это чего, егерю помогать. Нарушителей не пускать, зверей кормить. А еще тайменя буду ловить. Мы с батей сегодня даже мыша сделали специального!

– Какого мыша, что ты брешешь? – в голос загомонили пацаны.

– Не верите? Сейчас вынесу – я опрометью бросился домой. Отца, к моей вящей радости дома не было, и я беспрепятственно схватил вожденную мышку и понес показывать. Пацаны долго крутили ее так и эдак и опасливо пробовали остроту тройников. Наконец Серега Колчак, слывший самым опытным рыбаком, веско изрек:

– Хорошая снасть. Должен таймень взяться. Ну или хотя бы щука...

Последующие два дня были самыми долгими в моей жизни. Я так рвался на загадочный кордон, что если бы не восьмерка на колесе, уже уехал бы на велосипеде. И вот наступило долгожданное утро! Я долго не мог уснуть, боялся проспять ранний подъем. А когда уснул, то и во сне продолжал бояться и просыпался каждые полчаса. Под утро, когда крепкий сон наконец одолел меня, в комнату тихо зашел отец:

– Сына, вставай, ехать пора. Я ошалело вскочил, завертел спросонья головой.

– Десять минут тебе даю. Умывайся, пей чай и спускайся к машине. Я выглянул в окно – там стоял «РАФик» дяди Саши, и возле него курили все трое отцовских друзей. Дядь Саша, дядь Сережа и дядь Вова. Я метнулся в ванную, затем на кухню, не жуя проглотил бутерброды и кинулся одеваться. Мама чмокнула отца, потом меня, спросила:

– Ничего не забыли?

Я принялся судорожно вспоминать, не оставил ли чего важного? Большую лупу и перочинный нож я еще с вечера распахал по карманам, остальное было в сумках и рюкзаке, которые отец уже унес в машину.

Я отрицательно помотал головой, чмокнул маму в щеку и побежал вниз, прыгая через три ступени.

– О, вольный поселенец! – дружно поприветствовали меня отцовы друзья. – Готов к труду и обороне?

– Всегда готов! – бодро отпартовал я.

– Ну поехали, раз готов.

Я забрался в салон и устроился у окошка, приготовившись к Приключению...

Не знаю, успели ли мы выехать из города, когда я заснул. Но проснулся я, когда мы подъезжали к Бийску.

– Да, брат, силен ты спать – это дядь Вова, невысокий и сухопарый, заядлый охотник и неутомимый рассказчик. – Так все самое интересное и проспичь. Вот, помнится, был у нас на участке Витя Храп...

Я потер глаза, потянулся и выглянул в окошко на проносящиеся мимо поля. На дворе был почти полдень. И правда, неплохо я поспал. Когда мы выезжали, едва ли было пять утра. Я

нащупал в поклаже пузатую алюминиевую флягу с крышкой на цепочке, отпил немного теплой воды и наконец проснулся.

– А долго нам еще ехать?

– Ну ты, брат, даешь. Конечно же долго, считай только от дома отъехали. К ночи должны добраться до берега. Там разобьем палатку и заночуем, а утром за нами на лодке придет егерь.

Я присвистнул. Далеко, оказывается, до Телецкого. И это очень меня волновало. Ведь чем дальше от дома, тем ярче приключения!

«РАФик» натужно гудел мотором и шелестел крышками по асфальту, отец перебрался с переднего сиденья в салон, и они с мужиками взялись играть в «дурака», изредка покуривая в окно. Я же, воспользовавшись моментом, уселся на место отца рядом с дядей Сашей и с восторгом уставился вперед. А посмотреть уже было на что – по обеим сторонам дороги появились высокие холмы, покрытые буйным разноцветьем. Или это уже были маленькие горы? Я очень хотел, чтобы это оказались именно горы!

– Пап, а мы уже на Алтае?

– Конечно, давно уже.

– А это вокруг уже горы? – я затаил дыхание.

– Какие же это горы, так, холмушки. Но скоро уже начнутся горы...

В открытые окна врвался головокружительный аромат цветущих лугов, я дышал и не мог насытиться!

– Пап, а возле нас где-нибудь есть такой вкусный воздух?

– Нет, такого нет точно. Такой воздух только здесь.

– А почему?

– Потому что это Алтай, сынок. Уникальное место, уникальные люди, уникальная природа.

Через время в нашем «РАФике» установилась тишина. Мужики в салоне уснули, размоленные полуденной жарой и монотонной дорогой, и остались бодрствовать только дядь Саша да я. Дядя Саша был лысым и каким-то круглым. При первом же взгляде становилось понятно, что он наделен недюжинной силой. Большая лобастая голова, крепкая короткая шея, переходящая в могучие валуны плеч, мощные узловатые руки и грудная клетка шириной с дверь от «РАФика». Несмотря на внушительную внешность, дядь Рома был весельчаком и балагуром. Широкая белозубая улыбка и дерзкие насмешливые глаза непонятного цвета, по словам мамы, делали дядь Сашу любимцем женщин и собак. При чем здесь собаки, я так и не понял, но не спрашивать же?

– Дядь Саш, а тебя собаки любят?

– Собаки? – удивленно протянул он. – Собаки любят. И кошки еще. А что?

– Да просто. Я вот не знаю, любят меня собаки или нет. А на кордоне ведь пес, наверное, есть. Большой такой, зубатый...

– Боишься? – весело спросил дядь Саша.

– Вроде нет. А что, если не любят меня собаки?

– Ну, Димка, насильно мил не будешь – он хохотнул. – Но говорят еще «стерпится – слюбится», будешь терпеть. Он будет тебя кусать, а ты его любить – веселился дядь Саша. – И всем хорошо. У тебя с ним любовь, а у него с тобой веселье.

Я надулся и отвернулся в окно, но дядь Саша не унимался:

– А ты ему сразу косточку сахарную подсунь, он подумает, что ты хороший парень, и решит с тобой дружить. Главное, истинную свою сущность ему не раскрывай до поры, а то никакой дружбы у вас не выйдет.

– Какую сущность? – насупился я.

– Коварную. Ты ведь не просто так с ним подружиться хочешь, а? Думаешь поди, как он вместо тебя медведя прогонять будет? А места там медвежистые. Вот волков мало, а медведей

хоть пруд пруди. Хотя и волки есть, есть. Здоровые такие, втроем корову съедают. А медведи там наглые-наглые, приходят в сад яблоки есть. И ведь не прогонишь, пока все не съедят. Иногда и в дом могут зайти, по кухне пошарить. Тут главное делать вид, что тебя дома нет. Лучше всего в подпол схвататься, но у егеря подпола нет – дом на берегу стоит, на камнях.

– А куда прятаться тогда? – я уже в лицах представил себе, как медведь на кухне за столом ест из миски мои пельмени.

– А хотя бы в шкаф. Медведю ведь в шкафу делать нечего, платья там разные и пиджаки он не носит.

– А если все равно полезет в шкаф, что делать?

– «Караул!» кричи, шибко медведи караула боятся.

И тут раздался отцовский голос:

– Ох и баламут ты, Сашка. Ну когда это медведи караула боялись? Надо кричать «Паллундра!» и стрелять из всех стволов.

С каждым их словом мое желание ехать на кордон все больше и больше сходило на нет. Окончательную точку поставил дядь Вова. Он сладко потянулся, растер лицо руками и заговорил:

– Где-то через полчаса надо бы остановиться, размяться, пообедать плотно. Только Ром, выбирай стоянку подальше от тайги. Если Михал Потапыч из тайги по наши души выскочит, нам надо успеть в машину забраться, завестись и разогнаться – это он уже мне. – Медведь развивает скорость до 60 км/ч! Так что от него еще надо суметь убежать. Пешком ни за что не убежишь.

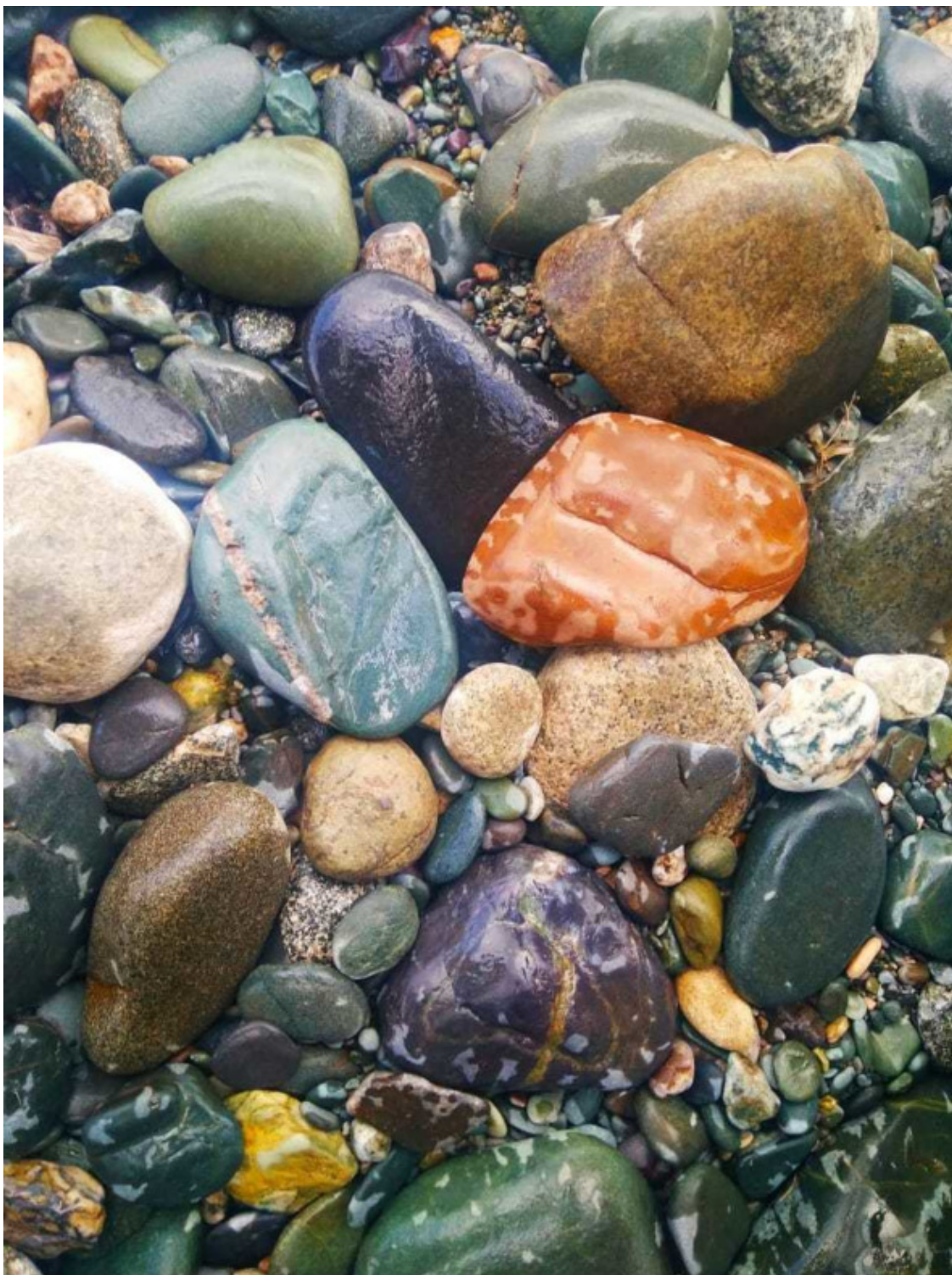
– Пап – немного подумав, взвесив все «за» и «против», спросил я – а может я лучше с вами в тайгу? У меня уже и бок со спиной не болят.

Мужики переглянулись и расхохотались в голос. Отсмеявшись, дядь Вова сказал:

– Нет, Димка, в тайгу тебе с нами никак нельзя. Потому как ты медленнее нас бегаешь.

– И что? – не понял я.

– Ну, когда мы все вместе от медведя побежим, он тебя первого и догонит. Хотя, может наоборот, лучше взять тебя с собой? – дядь Вова задумчиво потер подбородок, и они снова рассмеялись в голос...

Место для обеда дядь Саша выбрал максимально опасное с моей точки зрения. С одной стороны широкая река с расходящимися по ее поверхности тут и там кругами, бурунами и перекатами в разных местах. С другой стороны – отвесные, покрытые лесом скалы, у подножия которых среди стоящих тут и там могучих елей и сосен лежат булыжники размером с наш «РАФик». Мы высыпали из автобуса, взрослые тут же принялись за обустройство бивака. На шелковистой траве расстелили покрывало, на которое принялись выставлять судки и тарелки. Отец быстро развел костерок чуть в стороне, набрал воды прямо в реке и повесил котелок над огнем.

– Сейчас быстро супчик сварим, почисти пару картофелин пока.

Сказано – сделано. Я взял пару картофелин, нож и пошел к воде. Опустил руки в кристальную воду и тут же выдернул их обратно. Вода холоднющая! Но ничего, справился все же с чисткой картофеля. Уселся у края покрывала, изредка поглядывая по сторонам. Мне все казалось, что вот сейчас из-за вон того огромного валуна выскочит такой же огромный медведь и помчится в нашу сторону. Отец тем временем порезал картошку и бросил ее в закипевшую воду. Туда же отправился суп из пары пакетиков, мой любимый, с лапшинками в форме звездочек. Над поляной тут же поплыл вкусный запах, и я невольно сглотнул слюну. Дядь Вова достал из своего рюкзака кусок колбасы и принялся ее нарезать, приговаривая:

– Ты, Димка, по сторонам-то поглядывай. Чуешь, какой запах вкусный пошел? Вот сейчас он до тайги донесется, и пиши пропало.

– Вовка, не пугай парня – дядь Сережа подмигнул мне. – Пока запах дойдет, пока медведь проснется, мы уже все съедем и уедем.

Дядь Сережа был неразговорчивым, но, как говорит отец, надежным, как автомат Калашникова. Высокий, плечистый, с соломенными волосами и ярко-синими глазами он всегда напоминал мне какого-то русского богатыря.

– Так лето же, медведи разве спят? – я удивленно уставился на дядь Сережу.

– А как же! Вот нашел он какого-нибудь неаккуратного туриста, пообедал плотно и сразу в теньке укладывается подремать. Чтоб жирок завязался – включился в разговор дядь Вова.

Пока мы разговаривали, суп доварился, и отец, подхватив котелок, направился к импровизированному биваку. Вкусный запах от супа меня уже не радовал, но есть хотелось просто зверски. Дядь Сережа быстро разлил суп по глубоким алюминиевым тарелкам, и мы принялись за еду. Елось на природе так, словно никогда до этого я и не ел вовсе. Душистый супчик, колбаса, хлеб и зелень – казалось бы, что может быть проще, а вот поди ж ты, ем и за уши не оттянешь. Солнце понемногу скатывалось к горизонту, жара спала и появились комары.

– Пап, а что это за река? – я пил чай с печеньками, супчик уже уютно разместился в желудке, и настроение мое было блаженным.

– Это Бия, сынок, одна из главных Алтайских рек.

– А какая самая главная?

– Катунь.

– А она далеко отсюда?

– Да не так чтобы очень. Ниже они сливаются, и получается Обь.

– Ух ты! А откуда начинается Бия?

– Из Телецкого озера – дядь Саша повел плечами и сделал глоток чая. Он, как и мой отец, обладал удивительной способностью пить почти кипящий чай и при этом даже не морщиться.

– А Катунь откуда начинается? – мне было очень интересно, хотя в школе географию я терпеть не мог.

– А Катунь, брат, начинается на склоне самой высокой горы в Сибири. И гора эта называется Белуха. Высота у нее целых 4506 метров, представляешь? Там белоснежные пики своими вершинами задевают небо, и в ледяном безмолвии над ними кружат огромные грифы – нараспев произнес он. – Это из старинной алтайской легенды о Кадын Бажи.

– Кадын Бажи?

– Да, так алтайцы называют Белуху. Голова Катунь означает. Еще они называют ее Уч Сумер, Главная трехглавая вершина, хотя вершин у Белухи две.

– Эй, географы, ехать пора – это отец. – Давайте собирайте все, я пока посуду помою...

Мы ехали и ехали вдоль Бии, иногда заезжая в лес или преодолевая небольшие ручейки, стекавшие с ближних к дороге гор. За каждым поворотом дороги открывались пейзажи один красивее другого. Пушистые крутобокие горы вырастали прямо из бирюзовой воды, синее-синее небо с редкими барашками белоснежных облаков безмятежно смотрело на нас сверху,

предзакатные солнечные лучи насквозь пронизывали сосняк на том берегу и мягкими лапами гладили воду, деревья, прибрежные валуны и наши лица. Все молчали, глядя на эту невероятную красоту и пытаясь впитать ее каждой клеточкой.

– Вот за этим, сын, мы сюда и ездим. Есть много разных гор в мире, но такой красоты нет больше нигде.

– Пап, а мама здесь бывала?

– Мы с твоей мамой и познакомились как раз здесь, в походе. Она ногу потянула, и я ей помог. Ну, она сама тебе расскажет...

Стемнело как-то сразу, словно кто-то повернул выключатель. Исчезли прекрасные пейзажи, и теперь свет фар выхватывал из чернильной темноты то придорожные кусты, то покрытые мхом валуны. Ехать все уже откровенно устали и возились на сиденьях, пытаясь устроиться поудобнее. Один дядь Саша рулил, словно и не было за спиной шестнадцати часов пути, даже песенку какую-то напевал.

– Пап, скоро уже?

– Скоро, сын. Еще минут сорок, и будем на месте.

Через сорок минут за окном мелькнул указатель «Артыбаш», и еще через пару минут «РАФик» захрустел колесами по гальке.

– Прибыли! – гаркнул дядь Саша и первым полез из машины.

На улице оказалось холодно. Заметив, как я ежусь, отец вытащил из поклажи штормовку:

– Это горы, сынок, здесь по ночам обычно прохладно. Тем более мы рядом с огромным озером, у воды всегда зябко.

Пока взрослые ставили палатку, я застыл на берегу у самой воды, вглядываясь в залитое лунным светом Озеро и вслушиваясь в его мерное могучее дыхание в абсолютной тишине.

Яркий лунный свет серебрил легкие волны и освещал крыши домов в деревне. Если бы мне кто-нибудь казал, что при лунном свете можно даже читать, я бы никогда не поверил. У нас я никогда не видел такой большой и яркой луны. Бездонное небо было усыпано мириадами ярких крупных сочных звезд. Невероятный Млечный путь огромной спиралью протянулся прямо над головой, и я заорожено смотрел на него, задрвав голову. Никогда прежде я не видел его таким.

Передо мной был совершенно другой мир. Непонятный, загадочный и очень красивый. И уже утром я останусь с ним один на один. А пока пора идти спать. Самая первая ночь в палатке – это ведь тоже приключение, и нужно постараться ее получше запомнить. Что-то ведь нужно будет пацанам рассказывать...

Утро началось с того, что я зверски замерз. Отец хотел уложить меня в машине, но я отказался. Как можно спать в машине, когда рядом стоит расчудесная брезентовая палатка, пропахшая костром? И вот сейчас лежа в палатке и изо всех сил кутаясь в ватный спальник, я отчаянно жалел о своей тяге к походной романтике. Стуча зубами и отчаянно путаясь в штанинах и рукавах, я кое-как оделся и выбрался наружу. И тут же забыл обо всем на свете. Передо мной раскинулось Озеро. Огромная зеркальная гладь в окружении самых настоящих гор потрясла меня. Над водой плотной белой кисеей растянулся туманище. Он словно ножом разрезал горы пополам и прятал очертания дальних берегов. Я наивно полагал, что с северного берега великого Телецкого озера можно увидеть южный. Я не знал тогда, что у Озера морской масштаб и характер Северного моря. Серые предрассветные сумерки заставляли меня мерзнуть еще сильнее, и я подумал, что неплохо бы развести костер. Я пошатался по берегу в поисках хоть каких-нибудь дров, но тщетно. Ничего, кроме гальки. Чтобы согреться, начал прыгать, и в какой-то момент вдруг вспомнил, что в машине видел две вязанки дров. Отлично! Стараясь не шуметь, я открыл заднюю дверь «РАФика» и сразу же увидел то, что искал. Дрова лежали под нашими пожитками у самого края. Я попробовал вытащить хотя бы одно полено, но оно упорно не желало поддаваться. Тогда я взялся за всю вязанку и спустя пару минут сопения дрова лежали на берегу. Теперь надо как-то их разжечь. Спички я взял с переднего сиденья, стараясь не потревожить спавшего в салоне дядь Сашу. Я никогда в жизни сам не разжигал костра, но смутные представления все-таки имел. Выбрав местечко посуше, я сложил поленья домиком. Вовремя вспомнив, что для розжига нужна бумага, я нашел в машине скомканные газеты, в которые была завернута колбаса, подsunул одну из них под поленья и чиркнул спичкой. Газета занялась сразу, и я обрадовано приготовился греться, но... Газета сгорела, а дрова даже не подумали разгораться. Я попробовал еще раз. Бесполезно. И что делать? Подумав пару минут, я вытащил из кармана свой перочинный нож. Как им отколоть от полена щепки? Все просто! Я поставил полено на гальку, приставил сверху нож и легонько ударил по нему камнем. Потом еще раз и еще. Скоро передо мной высилась горка щепы. Я наломал ее пополам, чтобы получилось побольше, положил газету, сверху соорудил шалашик из щепы, и только потом сверху уложил поленья. Теперь точно должно получиться. Огонек со спички перепрыгнул на газету, от нее занялась щепка, над водой поплыл синеватый вкусный дымок. Я упал на колени и принялся аккуратно раздувать пламя, и совсем скоро на берегу запылал самый настоящий костер! Я чуть было не завопил от радости, но вовремя вспомнил, что все еще спят. Но бросив взгляд на палатку, я увидел довольного отца. Он все это время наблюдал за моими мучениями и даже не подумал помочь! Я набрал в легкие побольше воздуха, чтобы возмутиться, но он широко улыбнулся, показал мне большой палец и сказал:

– Котелок возле колеса. Давай чай варить?

И все мое недовольство улетучилось от отцовской похвалы. Я сбегал за котелком и пошел к воде. Озеро оказалось очень теплым! Услышав за спиной хруст шагов по гальке. Я не стал оборачиваться. Шаги отца я узнаю из всех других.

– Умывайся скорее, скоро вода станет ледяной.

– Как это?

– Это озеро – волшебное, оно живое. И от его настроения зависит все вокруг, в том числе температура воды.

– Пап, ну так же не бывает. Какое волшебное озеро? Волшебство только в сказках ведь. Отец не стал спорить, быстро умылся, набрал в котелок воды и пошел к костру.

Когда я умылся, из-за ближайшей горы вдруг показалось солнце. Вокруг сразу посветлело и туман начал исчезать прямо на глазах. И вот тут-то меня проняло по-настоящему. Озеро показалось мне во всей своей красе. Огромное! Целое море, а не озеро! Поднялся легкий ветерок, по воде побежали легкие волны, бросая солнечные зайчики на борта стоящих неподалеку лодок и целых теплоходов. Далеко от берега в нескольких местах покачивалась на воде большая деревянная лодка, в которой сидел дедушка с окладистой седой бородицей.

– Пап, а чего он там делает? Рыбачит, да?

– Да, сига ловит, самое время сейчас.

Покрытые тайгой пушистые зеленые горы уходили вдаль насколько хватало глаз, Озеро мерно дышало, отражая в себе и горы, и ярко-синее небо, и спящее солнце. В вышине бесшумно кружил коршун, широко раскинув крылья и иногда испуская свой печальный клич. В деревне лаяли собаки, мычали коровы и блеяли овцы, где-то звонко тюкал по железу молоток.

– Пап, оно и правда волшебное!

– А ты сходи, потрогай воду – хитро улыбнулся папа.

Мне стало очень интересно, я подошел к воде и опустил в нее руки. Холоднющая!

– Пап, а почему так? Вчера оно тоже было холодным, а утром теплым-теплым. Почему, а?

– Волшебство, сын, обыкновенное волшебство.

Чай получился гораздо вкуснее обычного. То ли вода в Телецком особенная, то ли на своем костре всегда вкуснее, только я выпил аж две кружки. Отец с друзьями поглядывали на меня и с улыбками о чем-то переговаривались, а я наслаждался чаем и видом на Озеро.

Первым лодку заметил отец.

– О, Михалыч идет.

Я завертел головой, пытаюсь увидеть, откуда идет Михалыч, но никого вокруг не было.
– Да вон, на Озеро смотри, видишь, лодка идет под мотором?

Я посмотрел в ту сторону, куда указывал отец, и увидел маленькую точку, медленно движущуюся в нашу сторону.

– А почему идет? Он ведь плывет.

– Плавают рыбы и птицы, а люди по воде на лодках ходят – назидательно сказал дядь Саша.

Я так и не понял, почему люди не плавают, а ходят, но допытываться не стал. Мужики начали собираться, и я бросился помогать. Первым делом все наши пожитки выгрузили из машины, и дядь Саша погнал «РАФик» в деревню, к какому-то знакомому. Мы прибрались за собой на берегу, оставив только котелок с чаем.

– Михалыч два часа с ветерком по Озеру идет, чаек как нельзя кстати придется – пояснил отец, когда я собрался было его убрать.

Через полчаса со стороны деревни показался всадник. Приглядевшись, я с удивлением узнал дядь Сашу. Он гордо восседал в седле, всем своим видом изображая как минимум командира кавалерии, не хватало только сабли и лихо закрученных усов. Добравшись до нас, дядь Саша довольно неуклюже сполз с лошади, забросил повод ей на шею и повернулся к нам:

– Видали? Это вам не на «РАФике» кататься, тут подход иметь надо.

И в этот самый момент лошадь шагнула вперед и принялась жевать капюшон дядь Сашин штормовки. Дядь Саша с воплем сиганул вперед, но лошадь держала крепко, и он просто завалился на спину.

– Подход, говоришь? Это да, подход нужен – глубокомысленно пробормотал дядь Вова. Дядь Саша тем временем пытался отвоевать штормовку у меланхоличной коняги, но у него мало что получалось. С воды донесся приближающийся звук лодочного мотора – Сергей Михайлович был совсем рядом. Дядь Саша наконец справился со своевольной лошадию и сейчас со страдальческим выражением на лице рассматривал многострадальный капюшон.

– Вот же зараза, а! Чего ей в этом капюшоне? – вопрошал он то ли себя, то ли лошадь.

– Она искала признаки особого подхода – отец направился к кромке воды, встречать егеря.

Длинная металлическая лодка с хрустом и плеском заехала носом на гальку, егерь заглушил мотор и выбрался из лодки.

– Доброе утро, Михалыч! – отец радостно улыбнулся и протянул руку для приветствия.

– Доброе – добродушно пробасил Михалыч и тиснул батину ладонь.

Был Михалыч невысок ростом, с добродушным круглым лицом и веселыми карими глазами, окладистая аккуратная седая борода лежала на широкой моряцкой груди, короткий ежик седых волос топорщился вихрами. Со мной Михалыч поздоровался как и с остальными – за руку. Ладонь у него оказалась широченной и жесткой, как доска.

Угладев курившийся тонким дымком костер с висящим над ним котелком, егерь одобрительно хмыкнул в бороду и присел к огню. Отец взял одну из стоявших тут же кружек и налил сначала егерю, потом всем остальным. Михалыч принял протянутую екружку, принялся, сделал небольшой глоток и блаженно прищурился.

– Добрый чай...

– Как нынче зимовал? – отец заговорил первым. Зачем он спрашивает его про зиму, лето ведь на дворе?

– Тяжко зимовал. Снега в этот год гораздо легло, все горы облазил с сеном да солью. Марала кормить надо, козу надо, им в такой снег и с места не стронуться. А по весне уже марал с маралухой в полынью попали, а я один. Ох и намучался, пока вытаскивал. Но вытаскивал, не утопли. Теперь вот со дня на день коренная вода с гор пойдет. Высокая вода будет. Чулышман уже надулся, Кокша сегодня-завтра пойдет...

– А зверя в тайге много?

– Есть – Михалыч отпил чаю. – Медведя нынче шибко много, как будто согнали его с нажитых мест. Пару дней тому в Яйлю собаку задавил.

Отец с мужиками переглянулись озабоченно. Михалыч заметил и проворчал:

– А что вы хотели, тайга. Вот и думайте, как пойдете. Ружье-то хоть с собой?

– С собой, и патронов достаточно – это дядь Саша включился в разговор. – Только не хотелось бы стрелять, заповедник же.

– А ты под ноги ему стреляй. Пуганешь, он и уйдет. Я вон хоть и егерь, а без карабина в тайгу не лезу. Мало ли. Тут, кстати, недалеко от Корбу медведица живет, в этом году у нее двое. Так что осторожнее.

Допив чай, егерь поднялся:

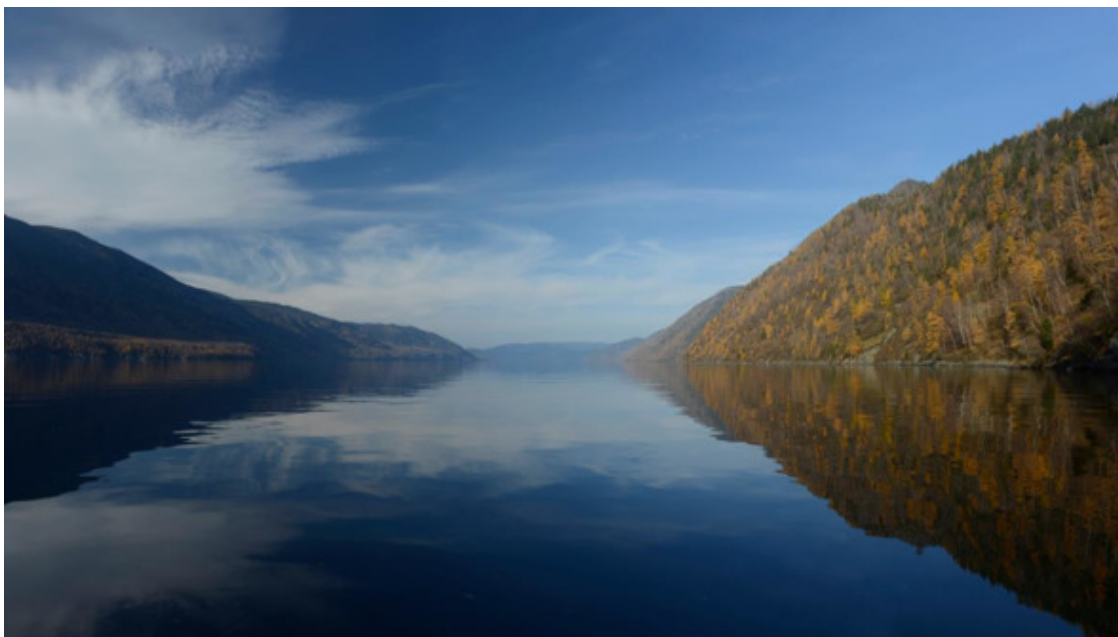
– Я в деревню схожу, а вы пока пожитки свои в лодку укладываете.

Он достал из лодки брезентовый рюкзак, закинул его на плечо и широким шагом направился в деревню. Поравнявшись с лошадьёю, которая неспешно брела в том же направлении, он прихватил ее под уздцы и ловко забрался в седло. А мы залили остатки костра водой и принялись таскать вещи в лодку. Дядь Вова забрался внутрь и занялся укладкой вещей, попутно объясняя мне:

– Если бестолково лодку нагрузить, можно перевернуться. Центр тяжести сместится, и все. И лодке тяжелее идти, больше расход бензина. Так что мотай на ус.

А я смотрел на лодку и млел от тихого восторга, смешанного со страхом. Ведь мы сейчас, совсем скоро загрузимся в лодку и пойдем по Озеру! Я никогда до этого не ходил под мотором, только с завистью слушал рассказы пацанов, которых отцы брали с собой на рыбалку куда-нибудь далеко.

С укладкой вещей мы справились довольно быстро. Солнце уже поднялось над горами, и по берегу поплыл сумасшедший аромат разнотравья и хвои. Трещали стрекозы, жужжали пчелы, звенела тишина. Хорошо! Я забрался на небольшой пригорок и улегся в теплую траву, закинув руки за голову. Надо мной раскинулось бездонное синее-синее небо с редкими клочками белых пушистых облаков, и где-то там невидимый отсюда парил коршун. Озеро вновь стало огромным зеркалом, в котором отражалось безмятежное небо и зеленые горы. Я мог бы лежать так целую вечность, вдыхая аромат трав и цветов и слушая умиротворяющее гудение пчел. Именно сейчас я вдруг ясно ощутил, что это лето будет самым лучшим в моей жизни. Я уже и думать забыл про ободранный бок, настолько мне было хорошо.

– Сын, пора!

Я и не заметил, как задремал, убаюканный шелестом набегавшей на берег волны и мягким теплом солнечных лучей. Услышав голос отца, я вскочил и бегом бросился к лодке. Все уже расселись, на берегу остались только мы с отцом.

– Давай забирайся – батя легонько меня подтолкнул. Я шагнул на нос лодки, и отец тут же с силой оттолкнул ее от берега и заскочил следом за мной.

– Садись вот здесь – егерь ткнул пальцем на скамейку рядом с собой, у самого борта. Я внутренне возликовал – очень хотел сидеть именно впереди! Отец протиснулся мимо меня на заднюю скамейку.

– Дерни там кто-нибудь – егерь оглянулся назад. Дядь Саша могучим рывком завел двигатель.

– Тише, тише, движок оторвешь, медведь – проворчал егерь, выворачивая руль. Еще мгновение, и лодка под рев мотора тронулась с места, набирая скорость. Я высунулся из-за ветрового стекла и ловил тугий поток встречного воздуха и мелкие брызги. Сердце в груди билось с бешеной скоростью, восторг затопил все мое существо. Михалыч тем временем перевел рукоятку акселератора вперед до упора, нос лодки приподнялся над водой, и она буквально полетела над водой. Далекие горы справа и слева от нас проплывали мимо, началась мелкая рябь. Все молчали, я крутил головой, стараясь запомнить, впитать удивительные пейзажи. С каждым пройденным километром горы открывались по-новому, и я смотрел и не мог насмотреться. Вот берега начали сходиться, стали хорошо различимы отдельные деревья.

– Смотри во все глаза, сын! – прокричал из-за спины отец.

То тут, то там в озеро впадали мелкие ручьи, над водой кружились чайки.

– Пап, а медведь может к воде выйти?

– Может, конечно! И марал может. Ты смотри, может, и повезет.

– Сергей Михалыч, а как эта лодка называется?

Егерь глянул на меня искоса и не ответил.

– Пап?

– «Казанка», сынок.

Через какое-то время меня вновь одолело любопытство:

– Сергей Михалыч, а мы быстро плывем?

Михалыч даже поворачиваться в мою сторону не стал, буркнул в бороду:

- Идем.
- Быстро идем?
- Как можем.

Михалыч явно не был настроен на разговор, и я примолк. Как же мне с ним две недели на кордоне жить, если он такой неприветливый?

– Пап, а на кордоне еще кто-то живет? – я обернулся и посмотрел на отца. Он отрицательно покачал головой, и я приуныл. Но очень скоро забыл обо всем, потому что отец начал рассказывать о местах, мимо которых проносилась лодка.

– Вот это справа Каменный залив. Алтайцы говорят, что раньше там жил злой людоед Дельбегень. А ученые считают, что в этом месте давным-давно упал метеорит.

Берега сходились все ближе и ближе.

– Смотри, вон там, слева, кордон Кара Таш, что в переводе с алтайского значит Черный камень. Погляди, там выше видишь? Скала похожа на старика с бородой, ее называют Стражем озера. А справа речка, видишь? Называется Самыш, там раньше золото мыли.

Берега вдруг раздались широко в стороны, и лодка вырвалась на безграничный простор Озера! Здесь уже не было зеркального спокойствия и безмятежности. Озеро волновалось. Легкие волны бежали по огромной глади и с плеском бились в прибрежные камни. А лодка на полной скорости с громким стуком билась в волны! Билась так, словно это были не волны, а кочки на асфальте на улице Ленина в моем родном городе.

– Пап, а почему так сильно бьется лодка? Вода же мягкая!

– На такой скорости вода становится твердой как бетон.

Через какое-то время слева на берегу показался аккуратный домик на живописной поляне.

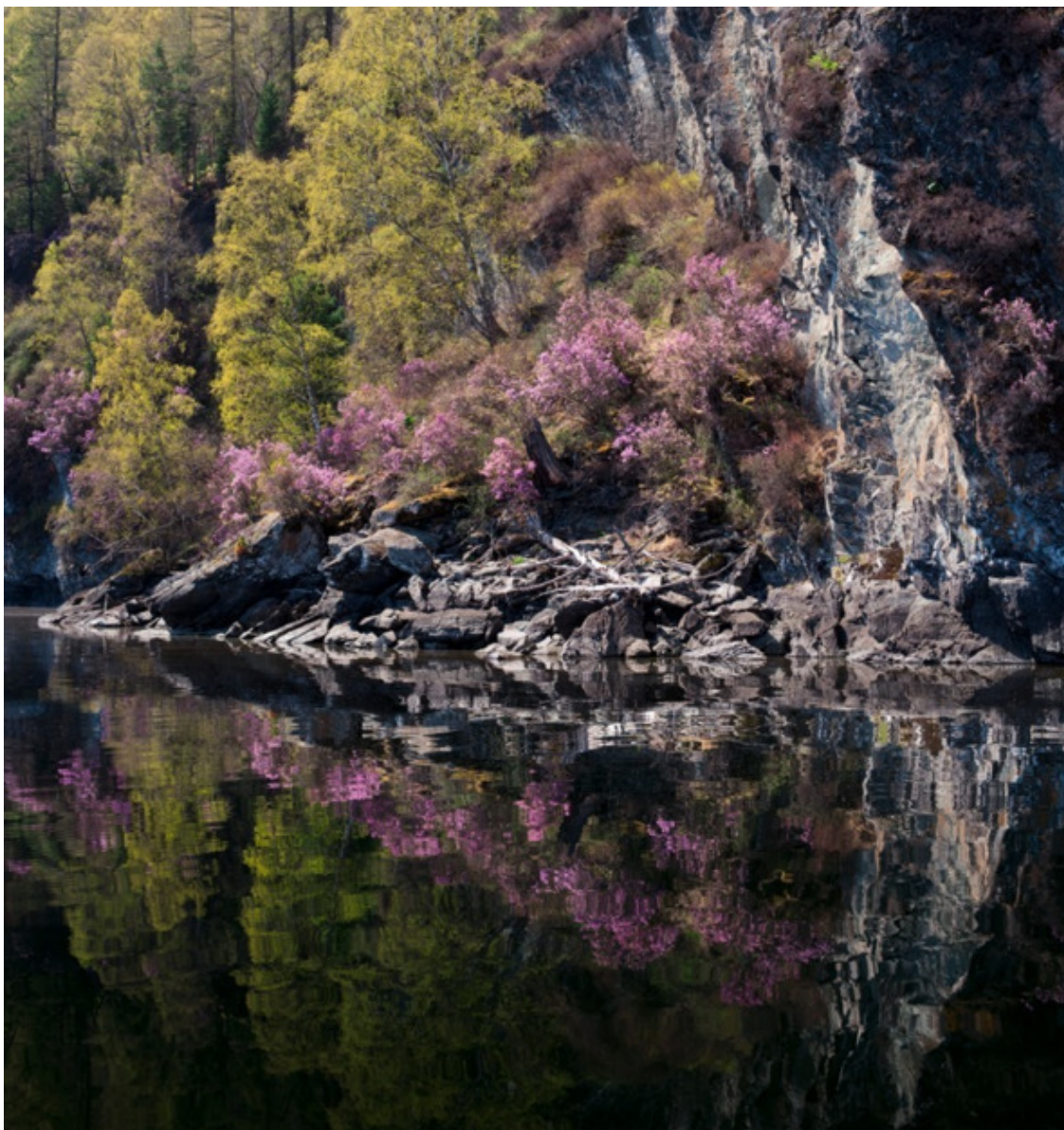
– А это кордон Байгазан, то есть Богатый котел. Рыбалка здесь хорошая.

Михалыч в разговоре не участвовал, сосредоточенно глядя вперед, мужики покуривали и о чем-то говорили, я глазел по сторонам. Глазел и думал о том, как бы охватить и запомнить всю эту невероятную красоту, чтобы принести ее маме. Такое бесконечное счастье охватило меня, что я не выдержал, вскочил, держась за ветровое стекло, и испустил громкий переливчатый клич. Михалыч даже голову в плечи вжал, настолько громким было это счастье. И в этот самый момент справа от нас я увидел настоящее чудо. Справа от нас на выдающемся в озеро мысе среди елок и лиственниц освещенные ярким солнцем скалы вдруг засветились розовым цветом.

– Пап, гляди!

– Это мыс Ажи, сын. А розовые скалы это мрамор. Красиво, правда?

– Очень! Жалко, мама не видит. Ей бы понравилось!

Пейзажи вокруг менялись словно картинка в калейдоскопе, и очень скоро я уже не мог ничего говорить, просто внимал этому величию и наслаждался солнечным днем. Когда слева вдруг показалась целая деревня, я очень удивился.

– Пап, а это что?

– Это Яйлю, центральная усадьба заповедника. Тут человек 200 живет, наверное. Есть даже своя школа и большущие яблоневые сады. Ах какие яблоки здесь растут! За ними даже медведи приходят каждый год.

– Медведи-и-и? И как жители с ними справляются?

– А зачем им справляться, они с ними делятся – заговорил вдруг Михалыч. – Тут иначе никак.

– А почему?

– Потому что они здесь хозяева, но и мы тоже. И делить нам с ними нечего.

В этот самый момент двигатель вдруг чихнул, дернулся и замолчал, над водой поплыло легкое облачко ароматного сизого дымка.

– Ну вот, приехали. Всегда в этом месте глохнет – Михалыч обернулся к дядь Саше – Ну-ка давай местами поменяемся.

Раскачивая лодку, они поменялись местами, и Михалыч принялся откручивать крышку двигателя, на которой полустертыми буквами было написано «Вихрь 30».

– А почему здесь глохнет?

Михалыч уже снял крышку и сейчас копался во внутренностях двигателя. Услышав мой вопрос, он поднял голову и указал пальцем куда-то вдаль:

– А вон там залив видишь? Называется он Камга, или кровавая река. Здесь камы, то есть шаманы раньше приносили жертвы. Вот и глохнет мотор. Не хотят шаманы, чтобы мы туда-сюда катались.

Телецкое озеро тут же предстало передо мной в новом свете. Воображение начало рисовать мне картины одна мрачнее другой. Вот шаман у огромного ночного костра на берегу залива стучит в бубен и танцует ритуальный танец. А вот к костру выходит медведь. Вот шаман заносит нож над жертвенным бараном...

Я тряхнул головой, отгоняя видение. Михалыч сердито сопел, бряцал гаечными ключами и что-то бормотал себе под нос. Легкий ветерок медленно гнал лодку в сторону берега, я наслаждался внезапно обрушившейся на нас тишиной. Тишина эта была какой-то очень живой. Озеро дышало, волновалось и шепталось о чем-то с камнями на берегах, над головой пронзительно кричали чайки. Минут десять мы дрейфовали, гонимые легким ветерком и лениво шлепающими в борт волнами. Мужики устроили настоящий консилиум над безвременно почившим двигателем, Михалыч в прениях не участвовал и так же молча копался в движке. Я от нечего делать перебрался на нагретый солнцем лодочный нос, улегся на живот и принялся наблюдать за подводной жизнью. Вода в Озере оказалась настолько прозрачной, что казалось, будто мы в лодке парим в воздухе. Разноцветные камни на дне переливались всеми цветами радуги, над ними сновали какие-то мелкие рыбки., солнечные блики гуляли по дну и слепили глаза.

Минут через десять Михалыч принялся дергать за трос, и после пятого или десятого рывка двигатель хрипло закашлялся и заурчал. Михалыч закрыл крышку и перебрался на свое место. Я юркнул на свое место, и в тот же миг лодка пошла вперед, набирая ход. За очередным мысом Озеро делало поворот почти под прямым углом. И когда мы повернули, я потерял дар речи. До этого момента я думал, что уже успел оценить все величие Озера. Как же я ошибался. Только сейчас я понял, как оно огромно! Перед нами раскинулась безграничная темно-синяя пустынная гладь. Слева и справа отвесными стенами поднимались горы, на некоторых лежали снеговые шапки.

- До южного берега отсюда примерно пятьдесят километров – прокричал отец.
- Сергей Михалыч, а сколько нам еще до кордона идти?
- Пока не дойдем – отрезал Михалыч.

Похоже, поломка двигателя окончательно испортила ему настроение. Но меня это совсем не беспокоило. Я был настолько счастлив сейчас, что ничто не могло меня огорчить. А через некоторое время я и думать забыл о Михалыче. Слева и справа начали появляться самые настоящие водопады! Разве мог я когда-нибудь предположить, что вживую увижу столько красоты? Не мог, конечно. Но вот я в лодке иду по Телецкому Озеру и своими глазами вижу эти горы и искрящиеся на солнце водопады.

– Это водопад Аюкипчес, а вон там, слева, водопад Корбу – отец счастливо улыбался. – Здесь много водопадов...

Еще через сорок минут, проведенных в томительном ожидании вперемешку с перехватывающим дыхание восторгом лодка начала забирать вправо. До конца Озера еще было идти и идти, но Михалыч уверенно направил лодку к берегу, который в этом месте был покрыт прямоствольным прозрачным сосняком. У самого уреза воды тут и там лежали большие выглаженные волнами валуны. Мелкая галька устилала берег, и от самой воды вглубь сосняка вела выложенная камнями тропинка. Вела она напрямиком к аккуратному одноэтажному домику. Рядом с тропинкой на деревянных столбиках был установлен указатель «Кордон КОКШИ». Добрались!

Метров за пять до берега Михалыч заглушил двигатель, и лодка, двигаясь по инерции, с хрустом заехала на гальку. Я первым соскочил на берег, и тут же ко мне подскочил здоровенный кобель, ткнулся холодным носом куда-то в поясницу и поспешил к Михалычу. Тот легко перебрался через ветровик и соскочил на берег. Кобель тут же заплясал вокруг хозяина, норовя прихватить его за ладонь.

– Каюр – одернул пса егерь, и тот моментально угомонился, уселся на гальку и принялся наблюдать за тем, как мы сгружаем на берег наши пожитки. «Каюр! Какое классное имя у пса!» – подумал я. – «Так и пахнет от него тайгой».

Тем временем на берегу выросла гора из наших вещей, и лодка закачалась на мерно накачивавших на берег небольших волнах. Михалыч одним могучим рывком втянул лодку повыше, подхватил пару баулов и молча зашагал к домику. Мы переглянулись, похватили оставшиеся вещи и отправились следом. Навстречу нам, задрав хвост трубой, по самому центру тропинки важно прошествовала красивая сиамская кошка. Она шла так уверенно и по-хозяйски, что нам пришлось посторониться. Михалыч, наблюдавший за нами с крыльца, усмехнулся в усы:

– Муська она такая, весь кордон в страхе держит. Хозяйка.

Свои вещи мы сгрузили у крылечка, и расселись кто где, подставив довольные лица мягкому июньскому солнышку. Я устроился на теплых ступенях, привалившись спиной к резному столбику, поддерживающему козырек, и принялся осматриваться. Вокруг домика стоял прозрачный прямоствольный сосняк, и запах вокруг витал фантастический. Нагретая солнцем смола, лежащая хвоя, молодая свежая травка и еще что-то особенное. Запах лета и счастья, наверное. Чуть поодаль от домика стояла аккуратная банька, участок был огорожен тыном из приколоченных к столбикам длинных жердин, серых от солнца, дождей, снегов и времени. Откуда-то из-за дома доносилось козье бляение и задорный щенячий лай. Прямо передо мной раскинулось синее-синее Озеро, безмятежное и прекрасное. По его берегам теснились отвесные, покрытые тайгой горы, над головой замерло в полуденной дреме синее, без единого облачка, небо. Солнце застыло в наивысшей точке и, похоже, никуда не собиралось двигаться. Над цветущими в палисаднике цветами с басовитым жужжанием крутился бочонок-шмель. Присаживается на цветок, а тот под его весом к земле клонится. Из-за дома выскочил кот, с виду типичный разбойник, и припустил к воде. За ним следом с лаем выкатился небольшой, вряд ли больше кота, лайчонок, коренастый и широкогрудый. Он в три скачка догнал кота и попытался тяпнуть его за хвост. Кот тут же развернулся, уселся, приподнялся и принялся обороняться, высоко вскинув лапы с растопыренными когтями. Щенок напрыгивал на него, пытаясь прихватить то за одну лапу, то за другую, но не рискуя подступиться – когти у котяры были внушительные, да и потрепанные уши говорили о немалом бойцовском опыте.

Наконец щенку надоело рисковать, и он с веселым тьяканьем кинулся к нам. Вихрем он пронесся между нами, тратя на знакомство с каждым не больше пары секунд. Но вот очередь дошла до меня, и щенок изменил тактику. Осторожно подойдя ко мне, он вытянул острую мордочку вперед, обнюхал сначала мою руку, подошел ближе, обнюхал обувь и штаны, забавно чихнул и прихватил меня за пальцы зубами. Но тут же отпустил и отскочил назад, склонив голову набок. Я потянулся его погладить, и он с радостным тьяканьем принялся носиться вокруг меня, припадая на передние лапы и потешно рыча. Отец с улыбкой наблюдал за нашей возней, Михалыч тем временем распалил костер в большом обложенном камнями кострище и пристроил над огнем большую сковороду. Потом поднялся, шагнул к нам, протянул мне небольшое ведерко:

– Пойдем-ка со мной.

Я с сожалением оторвался от игры со щенком и пошел следом за Михалычем. Мы зашли за дом, и Михалыч указал мне на погреб с открытой крышкой:

– Сбегай за картошкой и пару морковок прихвати.

Погребом меня не удивишь, мы тоже каждое лето картошку высаживали, а в начале сентября дружно ее выкапывали и ссыпали в погреб. Так что я быстро скатился по скрипучей деревянной лестнице вниз, набил ведро картошкой, прихватил три морковины и полез наверх. После темной сухой прохлады погреба солнечный свет всегда кажется настоящим счастьем, и я чуть не рассмеялся в голос от охватившей меня радости. Увидев беседующего с отцом Михалыча, я протянул ему ведерко. Егерь внимательно на меня посмотрел, хмыкнул в бороду и пошел к костру. Я вопросительно посмотрел на отца, и тот молча протянул мне нож. Ну вот, теперь еще и картошку чистить. Как-то это несправедливо. Я картошку принеси, я же и почи-сти? А остальные только есть будут? Я смотрел на отца, не спеша принимать нож. Тогда он улыбнулся, убрал нож в карман и сказал:

– Точно, у тебя же свой есть, не хуже.

Делать нечего, пришлось идти на берег. Зачерпнув ведром воды, я выбрал камень поудобнее, уселся на него и взялся за чистку. Щенок увязался следом за мной, улегся у моих ног и с интересом следил за тем, что же я такое делаю. Нагретый солнцем валун приятно грел, и я невольно разнежился на солнышке. У моих ног в воде сновали почти прозрачные мальки, над самой водой с треском носилась ярко-синяя блестящая стрекоза, над головой почти невидимый из-за страшной высоты кругами парил коршун. Воздух был напоен запахом нагретой хвои и свежестью, горы дремали в полуденном мареве, и в целом чистка картошки вдруг перестала казаться мне таким уж ужасным занятием. Пытаясь угадать, что за рыбешки носились в воде у самого берега, я и не заметил, как справился с картошкой. Куда девать кожуру? Я посмотрел на ведро, в котором белела чищенная картошка. Нет, в ведро нельзя. В озеро? От этой мысли я даже голову в плечи вжал, как будто кто-то мог ее услышать и начать меня ругать. И то, как можно в Озеро что-то бросать? Я тщательно промыл картошку, слил воду, набрал свежей и пошел к костру.

– А кожура где? – Михалыч прищурился.

– На берегу. Я сейчас принесу!

Я подхватил стоящий тут же пустой котелок и метнулся к воде. Быстро скидав кожуру в котелок, я пошел назад. Добравшись до костра, я замер в нерешительности.

– В костер кидай – Михалыч уже строгал картошку прямо в сковородку.

Я неуверенно пожал плечами и вывалил кожуру в огонь. И чуть все не испортил, потому что на дне котелка собралось порядочно воды. Костер зло зашипел и выбросил клуб горячего пара. Я с ужасом смотрел на Михалыча, но тот словно и не заметил моей оплошности, продолжал что-то рассказывать мужикам.

Через некоторое время костер разгорелся как ни в чем не бывало, и я успокоился. Но на ус намотал, что в костер нужно подкладывать аккуратно хоть дрова, хоть картофельные очистки. Да и вообще с кострами надо поосторожнее.

Тем временем над полянкой поплыл такой аппетитный аромат жарехи, что я невольно сглотнул слюну и покосился в сторону костра. Михалыч сосредоточенно смотрел на сковороду, словно от того, насколько внимательно он будет следить за картошкой, зависит самое малое завтрашний восход солнца. Но я про себя уже решил не удивляться никаким странностям егеря и только перебрался поближе к шкворчащей сковороде. Словно только этого и дожидаясь, Михалыч повернулся ко мне:

– Сходи-ка в огород, зелени нащипай к столу.

Хм. Так что теперь, каждый раз будет, когда Михалыч будет меня замечать? Если да, то я тогда с батей в тайгу пойду, к медведям. Огород у Михалыча оказался большим, соток тридцать, никак не меньше. И по всемирному закону подлости грядки с зеленью располагались в самом дальнем углу, там, куда солнце попадало практически весь день. Я быстро скинул сапоги и зашлепал босыми ногами по сухой теплой земляной дорожке. В огороде пахло... огородом. Такой специальный запах, который бывает только в огородах. Пахнет землей, разной ботвой, цветами, травой и божьими коровками. Правда здесь этот запах был густо замешан на аромате нагретой сосновой смолы и прелой хвои, но от этого было только лучше.

Нащипав лука и укропа, я бегом ринулся назад – есть хотелось уже просто зверски.

– А где лук с укропом помыть? — я показал Михалычу пучок ароматной зелени.

– А чего их мыть? – Михалыч ловко выхватил из пучка стрелку лука и с аппетитом ее зажевал. – У меня здесь чисто, вчера только дождиком все вокруг умыло, а утром роса была богатая. Давайте к столу.

Мужики с шутками-прибаутками расселись вокруг стола, на который Михалыч торжественно водрузил сковороду, повытаскивали из-за голенищ сапог ложки и принялись обжигаясь уплетать горячую жареху. Так-с, а мои сапоги остались в огороде, и ложка там же. Я со вздохом полез из-за стола.

– Сына, ты куда пошел?

– За ложкой.

– А где она у тебя?

– В огороде.

– Ну Михалыч, ну удивил, уже и ложки выращивать наострился – хохотнул отец и зачерпнул очередную порцию картошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.